

Неужели он считает, что раз чертовски хорош собой, ему дозволено капризничать и строить безумные планы?

Хозяин заведения глубоко вдохнул, собрав в кулак все остатки терпения, накопленные за долгие годы. Скрывая раздражение за вежливой улыбкой, он как можно мягче намекнул:

— Уважаемый гость, боюсь, цены в нашем заведении... скажем так, кусаются.

Затем он ненавязчиво указал на улицу:

— Видите лавку напротив? Там кормят ничуть не хуже, а цены куда доступнее.

Ресторатор искренне полагал, что проявил верх деликатности. Никакого пренебрежения к клиенту — чистая забота. Цены здесь действительно были астрономическими для рядового обывателя. И он ведь просто хотел как лучше! Но реакция юноши превзошла все ожидания.

Тот внезапно вскипел. Ткнув пальцем в ближайший объектив камеры слежения, парень ядовито осведомился:

— Слышь, чудо безмозглое! Ты когда эти уровни проектировал, хоть на секунду включил то, что у тебя вместо мозгов? Неужели трудно было предусмотреть базовые потребности игроков?

Владелец заведения мысленно выдохнул:

"А, так это он не на меня..."

Хотя постойте! Это ведь... камера Системы!

Орать на системный объектив у всех на виду, да еще с такой наглостью — этот безумец определенно стал первым в истории.

У входа застыл бедолага, чье лицо все еще было измазано крабовой икрой. Забыв вытереться, он благоговейно вытаращился на нарушителя спокойствия, мысленно признавая:

"Вот это я понимаю — авторитет".

Другой посетитель, который только что подавился, судя по всему, оголодал до безумия: наспех откашлявшись, он снова принялся уплетать еду за обе щеки. В конце концов, те, кто мог позволить себе зайти в это заведение, бедняками не были. Штраф за пару крепких словечек в адрес Системы их бы не разорил. Подумаешь, мелочь!

Но голод делает человека свирепым, а когда дело доходило до оголодавшего Гу Вэя, его ярость сметала всё на своем пути. Желудок у него начало сводить еще до выхода из ворот. Неудивительно, что новость о балансе с унылым минусом окончательно вывела его из себя.

Гу Вэй твердо вознамерился выкурить трусливую системную тварь из ее норы:

— У тебя в башке что, черная дыра? Непроглядная бездна, которую ничем не заполнить?

Окружающие затаили дыхание. Это было уже не просто ворчание, а прямое оскорбление.

Уплетавший краба парень, видимо, разгневал богов судьбы: от неожиданности он умудрился вдохнуть кусок крабовой ножки. По залу разнесся оглушительный кашель. С трудом вернув застрявшую плоть в этот мир, он торопливо плеснул в горло уксуса, промочил связки и, протянув руку, осторожно похлопал Гу Вэя по плечу:

— Брат, преклоняюсь перед твоим мужеством! Но завязывай, а? Глянь на свои золотые монеты, пока они совсем не испарились!

Однако Гу Вэй даже бровью не повел:

— Подожди, дай сначала пар выпущу.

Соседи по столу лишились дара речи. Ругать Систему в элитном заведении — удовольствие крайне дорогое, штрафы здесь списывались с космической скоростью.

Хозяина ресторана раздирали противоречия. Что за загадочный богач пожаловал к нему сегодня? Если у него водятся деньги, зачем заикаться о кредите? А если он гол как сокол, откуда такая самоуверенность перед всевидящим оком?

Опасаясь ненароком обидеть влиятельную персону, ресторатор незаметно кивнул жене, чтобы та проверила базу данных. Вдруг перед ними восходящая звезда, стремительно ворвавшаяся на вершину рейтинга?

Хозяйка заведения быстро застучала по клавишам. Спустя пару мгновений она подняла глаза от экрана, разочарованно покачала головой и шепнула мужу:

— Никакой это не лидер... Зато у нас тут другой рекордсмен...

В этот момент у окна раздался потрясенный возглас:

— Охренеть! Парни, гляньте на этого камикадзе! За пару минут ушел в минус на сто двадцать

восемь тысяч восемьсот золотых монет! Это как вообще? Даже в публичных домах в долг столько не наливают!

Кричал тот самый толстяк, который недавно потешался над последним местом Гу Вэя. Посетители звали его просто — Большой толстяк.

Хозяйка заговорщицки кивнула мужу: мол, чистая правда, у парня не кошелек, а бездонная бочка со свистом улетающих финансов.

Владелец заведения тут же скосил глаза на левое предплечье стоявшего рядом юноши, отчаянно пытаясь разглядеть мерцающие системные цифры.

И тут объектив над их головами медленно повернулся и зафиксировал фокус на Гу Вэе. Из встроенного динамика раздался монотонный металлический голос:

— Игрок с отрицательным балансом, умудрившийся пройти уровень... Вы такой первый на моей памяти.

Тон Системы явно намекал:

"Откуда мне было знать, что найдутся подобные чудики?"

Присутствующие замерли, разинув рты. Ветераны из первой сотни рейтинга гонораров едва не выронили палочки. Чтобы Система лично вступала в перепалку? Да она обычно стирала нарушителей в порошок без лишних слов!

И этот парень... неужели он и есть тот самый легендарный аутсайдер с последнего места? Даже непонятно было, чему удивляться сильнее.

Гу Вэй, впрочем, уступать не собирался:

— Мне плевать на твои оправдания! Живо переписывай правила!

Он хищно прищурился, и в его взгляде промелькнуло нечто пугающее:

— Или мне самому заняться вашей программной начинкой?

Камера зависла на несколько секунд, после чего послушно, словно обиженный ребенок, отвернулась к стене. Динамик замолк.

Онемевшие от шока мастера прохождения и сам хозяин заведения могли лишь мысленно

развести руками:

"Ну и монстр..."

К слову, в этот час в заведении собралась исключительно элита — игроки, входящие в топ-200 рейтинга гонораров. Те самые «небожители», на которых обычные искатели приключений смотрели снизу вверх.

За большим столом у окна сидело восемь человек, и сейчас все они замерли, забыв про еду.

Один из них, круглолицый парень по прозвищу Мясная булочка — тот самый, что давеча назвал Чжун Лю пустозвоном, — осторожно вытянул указательный палец, намереваясь ткнуть соседа в бок. Однако встретил столь ледяной взгляд, что поспешно отдернул руку и спрятал пальцы в кулак.

— Ребят, я тут три года лямку тяну, — шепнул Мясная булочка, — но чтобы камера вела светские беседы... Скажите честно, у меня крыша поехала или вы тоже это слышали?

Его сосед сидел в идеально отутюженной черной рубашке с изящным золотым шитьем на манжетах. Рукава были небрежно закатаны, обнажая сильные, мускулистые предплечья. На спинке его стула висел дорогой, сшитый на заказ пиджак.

Перед мужчиной стояло несколько изящных фарфоровых чаш. В одной покоилось нежное мясо краба — чтобы оно не остыло, посуду установили на миниатюрную горелку, где весело плясало голубое пламя. В соседних чашах высились аккуратные горки свежей икры и нежного крабового жира.

Облаченный в тонкие белоснежные перчатки, мужчина молча и сосредоточенно орудовал специальными инструментами, аккуратно извлекая мякоть из очередного панциря. Его губы были плотно сжаты, а на лице читалось абсолютное спокойствие.

Сидевший напротив Большой толстяк, только что закрывший интерфейс рейтинга, заметил, что И Цяньвань не собирается поддерживать разговор, и решил ответить сам:

— Никаких галлюцинаций, друг. Я сам чуть языком не подавился. Это вообще что за чучело огородное?

И Цяньвань медленно поднял глаза и одарил толстяка коротким взглядом.

Тот мгновенно прикусил язык. Было в этом взоре нечто такое, отчего желание шутить пропало

раз и навсегда.

Но Мясная булочка сдаваться не собирался. Он снова предпринял попытку разговаривать молчаливого соседа:

— Старина И, кстати, о птичках. Ты же у нас вечно закрываешь сессии на сто процентов и гребешь золото лопатой. Что стряслось на этот раз? Почему такой скромный результат? Неужели решил подыграть этому новичку?

"Старина И?"

Обращение прозвучало негромко, но в притихшем зале этого хватило, чтобы привлечь внимание Гу Вэя.

Он медленно повернулся на звук и наткнулся взглядом на смутно знакомый силуэт. Мужчина сидел спиной к залу, созерцая пейзаж за окном.

"О как! Какая встреча".

— Да какая к черту разница! — проворчал Большой толстяк. — Нам надо разобраться с этим придурком... Мама дорогая, он идет сюда!

Присутствующие за столом разом повернули головы, провожая взглядом приближающуюся фигуру. Высокий, подтянутый, с точеными чертами лица — этот «безумец» двигался на удивление грациозно.

Лишь И Цяньвань продолжал меланхолично препарировать краба, словно происходящее его совершенно не касалось.

Гу Вэй подошел вплотную, скользнул взглядом по идеальной осанке мужчины и без лишних церемоний закинул руку ему на плечо. Внимание юноши тут же переключилось на исходящее паром крабовое великолепие на столе.

Гу Вэй шумно сглотнул скопившуюся слюну и в наступившей мертвой тишине небрежно бросил Мясной булочке:

— Слышь, Сяо Бай, уступи место, а?

Мясная булочка округлил глаза. Ткнув себя пальцем в грудь, он беззвучно переспросил:

"Я? Здоровый мужик за тридцать — и вдруг Сяо Бай?"

Но, покосившись на ладонь незнакомца, по-хозяйски покоящуюся на плече непоколебимого И Цяньваня, он решил не искушать судьбу.

— Ладно-ладно, ухожу...

Освободив кусок пространства, Гу Вэй устроился на стуле со всеми удобствами.

Его взгляд прикипел к трем чашкам с изысканным наполнением. Парень посмотрел на них раз, другой, третий... Наконец он оторвался от созерцания деликатесов и, наклонившись к самому уху соседа, негромко произнес:

— Эй, Десять миллионов. Глянь на меня.

Семь пар глаз мгновенно скрестились на И Цяньване.

Тот не спеша повернул голову. Его глубокие карие глаза встретились со взглядом наглеца.

Гу Вэй расплылся в довольной улыбке и придвинулся ближе:

— Знаешь, я как-то читал, что люди вроде тебя — те, кто сначала кропотливо все очищают и лишь потом приступают к еде, — с точки зрения психологии обладают колоссальным терпением. Они всегда нацелены на максимальную выгоду в будущем.

В глазах И Цяньваня промелькнуло нечто нечитаемое:

— И что с того?

— А то, — хохотнул Гу Вэй, перехватывая лежавшую у чаши изящную ложечку, — что жизнь учит нас простому правилу: лови момент!

С этими словами он зачерпнул внушительную порцию крабовой икры и без малейших колебаний отправил ее в рот.

Мясная булочка так и застыл с полукоткрытым ртом и протянутой рукой, не успев пресечь это святотатство.

— Старина И! — наконец взорвался Мясная булочка. — Да это же чистой воды дискриминация! Мы сколько лет знакомы? Ты мне хоть раз позволил бы такое выкинуть?

Все понимали: ложка-то была личной вещью Киноимператора. Мясной булочке стоило лишь коснуться его плеча, чтобы огрести порцию ледяного презрения, а тут какой-то выскочка

преспокойно ест его приборами, и хозяин даже бровью не ведет!

Гу Вэй тем временем подцепил приличную горку крабового жира. Задержав ложку у губ, он обернулся к потрясенному толстяку и с ангельской улыбкой поинтересовался:

— Неужели до сих пор не дошло?

— Что именно? — опешил тот.

— Я за ним ухаживаю, — подмигнул Гу Вэй. — Разве не заметно?

И без тени смущения проглотил очередную порцию деликатеса.

За столом словно разорвалась бомба. Мясная булочка остолбенел, а затем нервно рассмеялся:

— Ты? За ним? Ухаживаешь?

— Угу, — буркнул Гу Вэй, уже вовсю увлеченный изучением меню.

Оторвавшись на секунду от буклета, он смерил собеседника оценивающим взглядом:

— А что, у тебя тоже есть виды? Даже не пытайся, парень. Против меня у тебя нет ни единого шанса.

Мясная булочка на секунду потерял дар речи, но быстро взял себя в руки, пытаясь вернуть беседу в адекватное русло:

— Послушай, умник. В первый год работы Системы за ним бегало триста восемьдесят два человека обоих полов. Во второй год претендентов осталось всего девять. Сейчас идет третий год, близится зима, и ты — единственный выживший кандидат. Хочешь знать, почему?

Гу Вэй поманил официанта и принялся диктовать заказ с размахом голодного барина:

— Так, тащите острый хого с двойным бульоном, запеченную рыбу, свиные ребрышки в соусе, тушеную рульку, свинину с пекинским соусом, томленую грудинку и парочку легких закусок.

Только покончив с этим, он соизволил ответить Мясной булочке:

— Всё просто: предыдущие ухажеры были слишком жалкими слабаками.

Округлое лицо Мясной булочки вытянулось от такой наглости.

Хозяин заведения, принимавший заказ, быстро прикинул общую стоимость блюд в уме и вежливо кашлянул:

— Кхм, уважаемый гость... Всё, что вы перечислили — наши фирменные позиции. Цены на них...

Большой толстяк у окна тем временем злорадно шептал соседу:

— Сейчас мы увидим, как этого клоуна выставят за дверь. Нашел перед кем выпендриваться — перед самим И Цяньванем!

Мясная булочка тоже предвкушал триумф разума над наглостью:

"Ладно, помолчу. Погляжу, как этот нищеврод, просивший кредит на тарелку супа, будет выкручиваться перед объектом своего обожания".

Все присутствующие затаили дыхание в ожидании грандиозного финала. Но реальность оказалась куда прозаичнее.

Гу Вэй бесцеремонно схватил И Цяньвана за левое запястье, приподнял его руку и прервал излишества ресторатора:

— Хватит болтать, списывай отсюда!

Повисла гробовая тишина. Мясная булочка мысленно взвыл:

"И это, по-твоему, называется ухаживать?!"

Большой толстяк зажмурился, не в силах смотреть на то, как наглеца сейчас размажут по стенке.

— Но... — Хозяин в растерянности перевел взгляд на безмолвного И Цяньвана.

Под прицелом десятка ошарашенных взглядов Киноимператор спокойно и едва заметно кивнул.

Присутствующие окончательно лишились дара речи.

— Старина И, ты продал душу дьяволу! — трагическим шепотом воскликнул Мясная булочка.

Владелец заведения, стараясь скрыть изумление, приложил терминал к предплечью мужчины. Раздался негромкий электронный сигнал, и механический голос подтвердил транзакцию:

[Списано 860 000 золотых монет]

В зале вновь воцарилась тишина.

Восемьсот шестьдесят тысяч... При разумной экономии на эти деньги можно было безбедно существовать в Системе целый год. И И Цяньвань вот так запросто спустил целое состояние на какого-то едва знакомого проходимца! Ну да, парень безумно красив, но не до такой же степени!

Когда хозяин заведения уже разворачивался, чтобы уйти, И Цяньвань негромко добавил:

— И принесите еще одну порцию краба.

Все три чаши перед ним опустели — заботливо очищенное и подогретое мясо без остатка перекочевало в бездонный желудок Гу Вэя.

Сам виновник торжества сиял от удовольствия. Бросив вслед удаляющемуся ресторатору: «Шевелись там, я от голода дышаю!», он повернулся к И Цяньваню и заворуженно уставился на его пальцы:

— Слушай, а почему у тебя такие красивые руки?

И Цяньвань на мгновение замер.

В глубинах его памяти ожил призрак далекого прошлого. Тогда кто-то точно так же крутился рядом, пуская слюнки на крабовое мясо, и с фальшивым восхищением напевал:

"Слушай, а почему у тебя такие красивые руки?"

И Цяньвань ловко извлек сочную мякоть из крабовой клешни, и она тут же исчезла во рту Гу Вэя.

Один сосредоточенно чистил, другой нетерпеливо ждал новой порции...

Эта сцена выглядела настолько... гармонично, что Большой толстяк не выдержал:

— Черт возьми... Столько лет мотаюсь по этим проклятым уровням, а тут вдруг до смерти захотелось остепениться и завести семью!

<http://bllate.org/book/18225/1758700>